ЖЕНЩИНА

Повѣсть нашихъ дней.

Наталія К. Эрдели.

СЕРБІЯ
1925.

ЖЕНЩИНА

Повѣсть нашихъ дней.

Наталія К. Эрдели.

СЕРБІЯ
1925.

Русская Типографія С. Филонова.
Новый Садъ.

Посвящается:

Професссору Тошѣ Радивоевичу

и

Доктору Милославу Стоядиновичу.

ЖЕНЩИНА.

Повѣсть нашихъ дней.

Истинная вдовица, и одинокая, надѣется на Бога.
(Первое Посланіе къ Тимофею, Апостола Павла. Глава V, ст. 5).

Бѣлградъ. Холодный день балканской зимы. Министерская пріемная. Комната жарко натоплена. У дверей шефа кабинета и у кабинета самого министра стоятъ и сидятъ лѣнивые курьеры.

Ожидающіе самого разнообразнаго внѣшняго вида, люди разныхъ слоевъ общества, и мужчины, и дамы. Видно, что среди нихъ есть не только просители. Не всѣ попадаютъ въ кабинетъ министра — однихъ секретарь направляетъ къ шефу кабинета, другихъ къ начальнику отдѣленія или по разнымъ отдѣламъ канцеляріи, — лишь немногіе остаются сидѣть въ скромной пріемной на деревянномъ диванѣ въ ожиданіи, когда курьеръ скажетъ, что очередь настала. Почти никто не разговариваетъ. Каждый занятъ мыслью, что и какъ ска-

зать, чего-бы не забыть, когда передъ нимъ откроютъ дверь и настанетъ, наконецъ, свиданіе съ тѣмъ высшимъ лицомъ, время котораго принадлежитъ всѣмъ и потому на учетѣ и доли секундъ. Для этихъ драгоцѣнныхъ мгновеній люди ѣдутъ изъ далека, ждутъ по днямъ и недѣлямъ — вѣдь это иногда послѣдняя надежда на правду въ жизни — чтобы „самъ“ услышалъ, „самъ“ рѣшилъ...

На этотъ разъ среди ожидающихъ особенно представительны три пожилыхъ серба — крестьянина. Своей живописной національной одеждой и полными достоинства движеніями они нанапомиютъ легендарныхъ героевъ сербовъ, которыми такъ восхищались въ Россіи.

Въ пріемную вошла элегантно, но съ претензіей одѣтая молодая особа. Она въ противорѣчіе съ общей тишиной громко говорила по сербски съ одновременно вошедшимъ съ ней господиномъ, судя по разговору, журналистомъ:

— Мнѣ нужно просить разрѣшеніе отъ Министра на безплатный вагонъ отъ имени Общества Покровительства Животныхъ. Надо перевезти изъ города собранныхъ бездомныхъ кошекъ въ одну деревню, гдѣ ихъ обѣщали взять по рукамъ. Не можете-ли вы въ вашей газетѣ напечатать что-нибудь въ пользу нашего Общества?

Господинъ усмѣхнулся.

— Отчего-же, напечатаемъ. Пришлите рукопись.

— Нѣтъ, я бы хотѣла, чтобы вы сами написали.

— Но я никогда этой проблемой не занимался. Признавая всю важность этого вопроса въ жизни культурнаго народа, къ сожалѣнію, не знаю что объ этомъ писать.

— Боже, какой вы странный! Патетично воскликнула молодая особа — Сотрудникъ такой серьезной газеты и не знаете что написать по вопросу, о которомъ въ культурномъ мірѣ существуетъ цѣлая литература!

— Признаю свою слабость, но, всетаки, не знакомъ подробно съ этимъ вопросомъ. Вы можетъ быть будете любезны продиктовать мнѣ нѣсколько основныхъ положеній для студіи и на основаніи уже этого мы что-нибудь напечатаемъ.

Молодая особа приняла позу принцессы и съ ритмомъ, повѣствующаго сказку, повела свою рѣчь.

— На первомъ мѣстѣ надо писать о бѣдныхъ кошкахъ. Боже, сколько ихъ больныхъ, облѣзлыхъ и оставленныхъ! Я сама, нѣсколько дней назадъ, нашла одного кота и отвела его къ себѣ домой... Но, не только это, есть еще болѣе тяжелые случаи! Сколько собакъ безъ хозяевъ, тоже голодныхъ и оставленныхъ... А это вѣдь благородныя животныя!.. А вы знаете, какія кошки умныя?...

Господинъ писалъ съ видомъ, что его дѣйствительно интересуетъ вопросъ, но углы рта дрожали отъ внутренняго смѣха.

— А какъ рѣшенъ вашимъ Обществомъ вопросъ о новорожденныхъ котя-

тахъ? Спросилъ онъ.

— Ихъ надо убить, пока они слѣпые, былъ отвѣтъ.

— Какъ? Убить котятъ? Такъ немилосердно? И это говорите вы — защитница животныхъ?

— Да, иначе они такъ размножатся, что мы не будемъ знать, что съ ними дѣлать. Отвѣтъ былъ торжественный, словно развивали Малтусову теорію о заселеніи нѣжными созданіями „міау міау...“

— Ничего, сударыня, наша земля богата и обильна и всѣхъ кошекъ прокормитъ... Заданія ваши — цѣлая политическая программа, вопросъ — интересный и для лозунговъ при выборахъ...

— Да, но мы еще не достаточно хорошо организованы. Въ Англіи я видѣла какъ агитируютъ на главныхъ улицахъ въ защиту животныхъ, протестуя противъ даже научной вивисекціи, такъ тамъ дамы при этомъ особыя одежды надѣваютъ. У насъ каждый мальчишка позволяетъ себѣ дергать кошку за хвостъ и пока еще очень малое число среди образованныхъ дамъ проиклось культурными стремленіями...

— Дастъ Богъ, будетъ больше, замѣтилъ съ ироничной усмѣшкой господинъ.

Курьеръ доложилъ, что настала очередь журналиста. Онъ спѣшно простился, давая торжественное обѣщаніе, что выпуститъ спеціальную статью, студію о животныхь и призывъ къ совѣсти гражданъ Королевства.

Молодая особа вынула изъ изящнаго миніатюрнаго золотого портсигара тоненькую папиросу и закурила и принялась гулять по пріемной.

Въ противоположномъ углу пріемной давно, съ самого ранняго утра тихо сидѣла другая дама. Она была въ поношенномъ траурѣ и въ не по сезону легкой одеждѣ. Во время громкой бесѣды элегантной молодой особы съ журналистомъ она сидѣла не шевелясь, безучастно смотря передъ собой. Но, едва молодая особа закурила, дама занервничала, обѣжала взглядомъ ожидавшихъ въ пріемной и пугливо достала коробочку съ папиросами.

— Можно закурить здѣсь? Я вижу та дама куритъ... обратилась на чистомъ русскомъ языкѣ дама въ поношенномъ траурѣ къ своему сосѣду сербу.

Щегольски одѣтый, подъ англичанина съ напомаженной прической и съ чисто выбритымъ лицомъ, сербъ выглядѣлъ, несмотря на сѣдѣющіе виски, еще не старымъ человѣкомъ: живые сѣрые глаза подъ черными густыми бровями, необыкновенно серьезные, съ глубокимъ, вдумчивымъ взглядомъ, поражали блескомъ, почти юношеской, живости. Онъ вѣжливо привсталъ при обращенномъ къ нему вопросѣ и съ совсѣмъ европейской любезностью, совершенно лишенной той характерной для балканскаго славянина демократической фамильярности, коротко отвѣтилъ на русскомъ-же языкѣ.

— Можно, мадамъ. Но было ясно, что это не родной его языкъ.

— Извините.... знаете-ли, у меня спичекъ нѣтъ... извините...

Сербъ молча зажегъ папироску дамы.

— Теперь многія русскія дамы курятъ, будто извинялась дама. Она стала рыться въ своемъ, когда-то черномъ, а нынѣ порыжѣломъ ридикюлѣ и вынимать оттуда множество смятыхъ бумажекъ оффиціальнаго формата.

— Простите пожалуйста, снова обратилась дама къ сосѣду. Я — русская, сказала она. Мой мужъ — генералъ Иванинъ, служилъ на баржѣ вашего казеннаго пароходства простымъ рабочимъ и въ прошломъ году, вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ, какъ... утонулъ...

Дама заволновалась и стала снова рыться въ своихъ бумагахъ. Сосѣдъ съ нескрываемымъ сочувствіемъ внимательнѣе взглянулъ на нее.

— Какъ вы думаете, дадутъ мнѣ какую нибудь пенсію или вообще помощь денежную? субсидію?

— Отчего-же вы только теперь идете хлопотать? спросилъ въ свою очередь энглизированный сербъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сейчасъ. Я, знаете-ли, давно хлопочу. Какъ утонулъ Сереженька, какъ ужъ осталась одна... Сейчасъ-же мнѣ посовѣтовали, ваши-же сербы, итти и прошеніе въ министерство Путей Сообщенія подать и въ „Асигуранье радника“ тоже. Только вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ, а ничего не выходитъ... Мнѣ, знаете-ли, поэтому и посовѣтовали итти прямо къ министру, — хозяйка квартирная — я у нея, не комнату нанимаю,

а такъ, знаете-ли, уголокъ небольшой: корзина стоитъ моя, да ночью на диванѣ постель себѣ устраиваю, да на плитѣ могу чай поставить, да что-нибудь сварить; сто пятьдесятъ динаровъ всего плачу . . . то есть должна платить... Ужъ давно она, бѣдная, отъ меня не получаетъ денегъ. Вотъ и говоритъ мнѣ сегодня: „идите прямо къ министру, а то не стало моего больше терпѣнія, — не могу ждать пока долгъ заплатите. Идите, а то выброшу корзину вашу на улицу"... Я и пошла. Я, знаете-ли, никакъ не могу себѣ мѣста найти. Вся надежда на министра: если дастъ пенсію — все будетъ хорошо. Пригласила одна американка къ себѣ, я, знаете-ли, по англійски говорю — три раза въ день къ ней приходить и ея собачекъ гулять водить, — я очень люблю животныхъ, мнѣ это совсѣмъ не трудно, даже пріятно. За это она мнѣ обѣдъ даетъ и немножко денегъ, а то бы не было на что и бѣлье постирать, да башмаки зачинить...

— Сербъ невольно взглянулъ на ея башмаки при этихъ словахъ и лицо его отразило изумленіе. Да и было съ чего изумляться: башмаки дамы — это была цѣлая сложная мозаика заплатокъ. Подошва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оторвалась, а такъ какъ погода стояла дождливая, то набравшаяся внутрь вода оставляла слѣды на полу. Каблуки давно подогнулись внутрь и при ходьбѣ только привычка къ нимъ, или окончательное равнодушіе къ своимъ ногамъ и ихъ судьбѣ, давали, вѣроятно, возможность не

падать на каждомъ шагу и не придавать значенія частымъ спотыканіямъ и подвертываніямъ ногъ.

Дама стала показывать собесѣднику множество документовъ, удостовѣрявшихъ ея личность. Тутъ были и русскій паспортъ царскаго времени, и послужной списокъ мужа, и эвакуаціонныя удостовѣренія уже бѣлыхъ правительствъ временъ гражданскихъ войнъ, и удостовѣреніе на англійскомъ языкѣ какого-то англійскаго командира военнаго судна, на которомъ ихъ привезли въ Варну и разныя „сведочанства“ и „уверења“ уже отъ сербскаго правительства. Были документы, свидѣтельствовавшіе вѣрность ея разсказа о службѣ мужа въ пароходствѣ, объ обстоятельствахъ его гибели. Сербъ смотрѣлъ на все выроставшую кипу бумагъ, увѣрялъ даму, что онъ и безъ нихъ ей вѣритъ и просилъ ихъ свернуть и спрятать. Дѣйствительно, даже равнодушные курьеры и тѣ, не то съ ироніей, не то съ сожалѣніемъ поглядывали на обладательницу этихъ пожелтѣвшихъ, помятыхъ бумагъ, которыя для дамы были лишь безмолвнымъ отраженіемъ ея нелегкаго жизненнаго пути, ея мученій и лишеній...

— Вотъ, вѣдь на великой войнѣ на самыхъ передовыхъ позиціяхъ не погибъ... Въ рядахъ бѣлыхъ армій обыкновеннымъ рядовымъ сражался противъ большевистскихъ полчищъ — ничего. А вотъ тутъ, — въ Дунаѣ... утонулъ... На все воля Божья! Судьба человѣка всюду найдетъ — отъ нея не уйдешь, что су-

ждено, того не миновать!... Тяжело всетаки, знаете-ли, безъ Сереженьки и въ чужой, все-же, землѣ... Такъ сразу, неожиданно, безъ подготовки, которую къ потери близкихъ даетъ болѣзнь... Вы сами понимаете какая жизнь для женщины безъ мужской опоры: братъ-ли, отецъ, мужъ-ли, сынъ — а безъ мужчины жизнь женщины невыносимо тяжела, вѣдь всякому тогда ее обидѣть можно и не трудно. А тутъ еще неудача съ работой — ничего не найду. Отчего же это мнѣ хоть маленькую пенсію за труды Сереженькины не дадутъ? Хоть какъ-нибудь добѣдовала-бы свои дни.

— Мадамъ, сказалъ сербъ сочувственно, — васъ все равно до министра не допустятъ, направятъ въ канцелярію. Дайте мнѣ ваше прошеніе. Сейчасъ моя очередь, я переговорю съ министромъ и о вашемъ дѣлѣ. Мнѣ это легче...

Дама чрезвычайно обрадовалась и торопливо вручила прошеніе.

— Какъ вы добры! Мнѣ еще никто не помогалъ въ дѣлахъ! Не надо-ли дополнительныхъ бумагъ для министра? Дама снова засуетилась и закопошилась въ своемъ ридикюлѣ.

— Нѣтъ, не надо, остановилъ ее сербъ. Ничего больше не надо. Онъ хорошо говорилъ по русски, но съ тѣмъ характернымъ для серба мягкимъ „ль“ и „и“ вмѣсто русскаго „ы“.

Серба, дѣйствительно. вскорѣ-же пригласили къ министру. Дама волновалась и курила папироску.

Неожиданный покровитель дамы былъ

извѣстный общественный сербскій дѣятель съ большимъ вліяніемъ, человѣкъ въ свое время не разъ бывавшій въ Россіи, еще въ дни ея величія и благоденствія; не изъ одного чувства гуманно-тонкой души, а и изъ видовъ чисто національной политики, онъ всегда былъ искреннимъ руссофиломъ и не на словахъ, а на дѣлѣ много и серьезно помогалъ русскому бѣженству.

Въ кабинетѣ министра, переговоривъ о различныхъ своихъ политическихъ вопросахъ текущаго времени, сербъ въ теплыхъ тонахъ разсказалъ о происшедшей въ пріемной бесѣдѣ его съ незнакомой русской дамой и ея печальномъ дѣлѣ. Министръ заинтересовался, взялъ прошеніе и, позвонивъ курьера, приказалъ пригласить русскую даму. Въ двѣ минуты дѣло было выяснено и рѣшеніе подписано. Дама совсѣмъ растерялась и лепетала немногія, знакомыя ей по сербски, слова благодарности.

— Очень радъ, мадамъ. Теперь все хорошо? поклонился учтиво сербъ, когда они вышли отъ министра. Дама не знала какъ и выразить свою радость неожиданному благодѣтелю.

— Пойдемте въ кафану, я хочу, чтобы вы хоть кофе выпили. Я хочу васъ хоть такъ поблагодарить, наивно просила дама, вспомнивъ сербскій обычай угощать кофе даже со стороны дамы.

Сербъ улыбался въ нерѣшительности, поглядывая на часы, но, боясь обидѣть и видя настойчивость просьбы, согласился.

При дневномъ свѣтѣ улицы онъ лучше разглядѣлъ свою новую знакомую. Она держала въ рукѣ тонкую палочку, опираясь на нее при ходьбѣ, что было не лишнее, имѣя въ виду каблуки ея башмаковъ. Когда-то, очевидно, хорошая шляпа была помята; черная матерія, изъ которой она была сшита, казалась особаго сиваго, неопредѣленнаго цвѣта, траурный вуаль давно потерялъ отъ дождя и пыли свой гофръ и блескъ. Гладкая прическа уже сѣдѣвшихъ волосъ, скромно украшала голову. Самое лицо, тоже помятое годами, нелегкими испытаніями, истощеніемъ несомнѣнно голодавшаго человѣка, сохранило свою женственность. Это лицо вѣроятно никогда не было красиво, оно привлекало мягкостью улыбки и кротостью большихъ синихъ глазъ, смотрѣвшихъ не то съ робостью, не то съ удивленіемъ. Мягкій удлиненный овалъ этого лица и тонкія руки говорили о несомнѣнной породистости. Ей было не менѣе сорока, сорока пяти лѣтъ. На всемъ ея обликѣ лежалъ отпечатокъ душевной надломленности; пришибленность и покорность проглядывали въ каждомъ ея движеніи, въ выраженіи лица; что-то на грани между самоуниженіемъ и безпомощностью передъ сильнѣйшей неумолимостью судьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было ясно, что это женщина оторванная отъ свойственнаго ей прошлаго и совершенно не отдающая себѣ отчета въ своемъ настоящемъ, въ томъ, что это настоящее — продолжительная дѣйствительность.

Въ кафанѣ сербъ выпилъ предло-

женную чашечку турецкаго кофе, попытался заплатить, но дама такъ искренне испугалась, что онъ не настаивалъ и сталъ прощаться. Дама сообщила свой адресъ.

— Если вамъ нужно еще документы посмотрѣть, у меня дома еще есть... Я вамъ такъ обязана, такъ благодарна, а вы вѣдь меня не знаете совсѣмъ...

Сербъ увѣрялъ, что онъ столько уже документовъ видѣлъ, благодарилъ за кофе и далъ дамѣ свою визитную карточку съ адресомъ и обозначеніемъ своего общественнаго положенія. На другой сторонѣ карточки онъ быстро написалъ нѣсколько словъ и просилъ даму пройти съ этой карточкой къ своему пріятелю — директору Государственной Статистики, увѣряя даму, что она непремѣнно получитъ тамъ службу, что тамъ даже ищутъ работниковъ.

Дѣйствительно, въ Государственной Статистикѣ въ Бѣлградѣ сотни русскихъ бѣженцевъ усердно трудятся надъ нескончаемыми цифрами.

Дама опять благодарила и радовалась. Долго еще стояла она на одномъ и томъ-же мѣстѣ среди уличной толпы и все смотрѣла въ ту сторону, въ направленіи которой ушелъ добрый человѣкъ.

* * *

Прошло нѣсколько дней. Однажды утромъ, въ часы пріема посѣтителей, сербу, знакомому намъ уже по пріемной Министерства, доложилъ служитель, что его

спрашиваетъ дама. Онъ велѣлъ просить.

—Это я, вошла русская дама и радостно улыбалась.

— Здраствуйте. Онъ сразу узналъ ту, которой такъ неожиданно для себя нѣсколько дней назадъ оказалъ услугу въ Министерствѣ.

— Пришла васъ благодарить, между тѣмъ оживленно продолжала дама. И пенсію дали, хотя немного, но все-же это для меня большая помощь — имѣть всегда опредѣленную маленькую сумму, на которую всегда могу расчитывать, какъ-бы тяжело ни сложились условія жизни. Къ тому-же сразу выдали порядочную сумму — сразу за всѣ предъидущіе мѣсяцы... Но, я еще васъ должна благодарить: въ Статистику „дневничаромъ“ взяли; тридцать динаровъ въ сутки. Это для меня очень значительно. Правда, отъ собачекъ американки пришлось отказаться, по утрамъ не успѣваю, но американка говоритъ, что привыкла ко мнѣ и, что собачки привыкли и просила остаться для двухъ прогулокъ: какъ освобожусь изъ Статистики, тамъ вѣдь до часу дня работа, — вотъ одна прогулка и вечеромъ въ семь часовъ — вторая. Американка за это мнѣ по прежнему обѣдъ даетъ, конечно, уже безъ приплаты денегъ, — вѣдь утромъ собачекъ приходится прислугѣ водить...

Дама отъ души благодарила, сербъ велѣлъ служителю подать черный кофе въ знакъ своей любезности и дама ушла.

* * *

* * *

Прошло недѣли три.

— Господине! Окликнулъ кто-то серба на улицѣ. Пѣвучій голосъ и неправильныя ударенія на словѣ не оставляли сомнѣнія, что слово было произнесено не роднымъ ему языкомъ. Сербъ обернулся. Передъ нимъ стояла знакомая фигура русской дамы. Большіе синіе глаза искрились, лицо, какъ будто, не было такимъ изможденнымъ, какъ въ первую ихъ встрѣчу — чуть, чуть посвѣжѣло.

— Отчего вы ко мнѣ не зашли? Привѣтливо начала дама, протягивая свою маленькую тонкую ручку, въ перчаткѣ очень сильно заштопанной, но все-же перчаткѣ.

— Извините, мадамъ, очень много дѣла, отвѣчалъ сербъ, оглянувъ съ удивленіемъ простодушную фигурку женщины, такъ просто, точно брата или друга дѣтства,.приглашавшую его къ себѣ.

— Ничего, ничего, Богъ съ вами, залепетала дама и вдругъ значительно прибавила — пойдемте въ этотъ переулокъ, тамъ меньше людей. Хочу вамъ предложить что-то очень дешевое, какъ разъ для васъ. Дама указала при этомъ на свою лѣвую руку: на ней висѣлъ аккуратно сложенный мужской пиджакъ, жилетъ и брюки.

— Вы теперь шьете? спросилъ сербъ. Какъ портной?

— Нѣтъ, нѣтъ! Куда-же мнѣ? Ни машины, ни комнаты настоящей. Я только еще хозяйкѣ долгъ выплачивать на-

чинаю. Да и не умѣю я такихъ мудрыхъ вещей. Это по случаю. Я, знаете-ли, теперь беру на комиссію, хожу, и продаю.

Они вошли въ переулокъ и дама сейчасъ-же пресерьезно стала развертывать отдѣльныя части костюма, не обращая вниманія ни на удивленіе, ни на улыбку сѐрба.

— Посмотрите, какой хорошій! восклицала она, развернувъ во всю величину пиджакъ. Онъ былъ необыкновенно широкій, въ него можно было одѣть, по крайней мѣрѣ, два такихъ человѣка, какъ ея собесѣдникъ. Не говоря о томъ, что вещи были весьма основательно поношены. Сербъ сдерживалъ смѣхъ.

— Очень хорошо, мадамъ, но мнѣ не надо.

— Знаете-ли, вѣдь какъ дешево! не унималась дама. Двѣсти динаровъ всего, за весь костюмъ. Не купите нигдѣ!

— Благодарю васъ, мадамъ, мнѣ не надо.

— Можетъ быть у васъ есть знакомые? спросила тогда дама, складывая опять по складочкѣ вещи.

У серба внезапно мелькнула лукавая мысль. Онъ указалъ дамѣ адресъ своего двоюроднаго брата, который былъ необыкновенно маленькаго роста, худенькій и ко всему большой щеголь, большія деньги тратившій не только на свои наряды, но на духи даже. Не подумавъ о томъ, что это будетъ для дамы лишняя попытка, заранѣе осужденная на неудачу, сербъ веселился въ душѣ, представляя себѣ лицо и жесты вылощенныхъ рукъ щеголя.

Дама-же, не подозрѣвая шутки, снова благодарила благодѣтеля и заторопилась по врученному ей адресу.

Въ тотъ-же вечеръ разсерженный кузенъ звонилъ по телефону сербу и, не сказавъ даже обычнаго привѣтствія, началъ кричать:

— Что ты мнѣ посылаешь какую-то сумасшедшую съ гигантскими старыми брюками?!! Въ нихъ можно кита посадить!

Сербъ хохоталъ отъ всей души, довольный, что такъ удачно съигралъ штуку.

— Ты самъ вѣрно съума сошелъ!... Чертъ знаетъ, кого и съ чѣмъ ко мнѣ посылаетъ! Все твоя манія этимъ русскимъ „избеглица" помогать!... Нельзя-же мѣры не знать! Не ребенокъ-же ты все свое время на „русовъ" убивать! — Меня, во всякомъ случаѣ, отъ этихъ экстравагантностей избавь...

Кузенъ бранился.

Въ отвѣтъ-же ему звучалъ лишь веселый смѣхъ добряка серба, любимца не только всей семьи, но и всего города за его безкорыстіе, добродушіе, большія знанія и за готовность всегда помочь всѣмъ и каждому, за что его, впрочемъ, его враги, и у него они были, — у кого ихъ нѣтъ?... производили часто, несмотря на его европейскую напомаженную внѣшность — даже въ лѣваго, „коммуниста"...

Больше бранился кузенъ, еще веселѣе смѣялся сербъ и, наконецъ, кузенъ былъ побѣжденъ и тоже сталъ хохотать. Въ „наказаніе" за продѣлку кузенъ пригласилъ серба въ одинъ изъ модныхъ

ресторановъ ужинать съ цѣлой компанiей дипломатовъ, которыхъ сербъ не долюбливалъ за ихъ иногда напыщенную внѣшность, называя ихъ — „накрахмаленныя кошки“.

— ... все убѣждала, что дешево, разсказывалъ кузенъ вечеромъ за ужиномъ въ ресторанѣ о русской дамѣ съ ея комиссiоннымъ костюмомъ, который онъ не могъ безъ отвращенiя вспомнить.

— ... едва отдѣлался и отъ костюма, и отъ ея настоятельныхъ уговоровъ его купить! Странныя эти русскiя дамы — „избеглица“! Такое хорошее, немолодое уже, лицо и такая мягкость манеръ, и голоса, и всего, а вмѣстѣ, — такая упорная настойчивость! Хотя-бы съ этими брюками — купите, да купите, и такiе они, и сякiе... У этихъ дамъ весь мiръ перевернулся. Условiя жизни, среда мѣняетъ людей, но тутъ, въ этихъ „избеглица“ какой-то иной еще процессъ происходитъ: всѣ цѣнности въ жизни ихъ стали иныя, а условности, которыми особенно богата была русская жизнь, сразу всѣ исчезли, — рухнули какiя-то перегородки въ ихъ жизни и они не видятъ ихъ у другихъ, не придаютъ имъ никакого значенiя. Тоже, вѣрно, не легко — ѣсть надо!... Не до перегородокъ! Да и что-же дурного она, въ сущности, дѣлаетъ? Ничего — динаръ выхаживаетъ!...

— Слава Богу, не сердишься, замѣтилъ весело сербъ.

— На нее-то? Чего сердиться!... А вотъ на тебя... И кузенъ полушутя, по-

лузагораясь опять возмущеніемъ, журилъ родича за его шутку.

* * *

Не прошла и недѣля, какъ къ сербу снова объявилась его министерская знакомая, русская дама. Какъ обыкновенно, она, несмотря на глубокую зиму, была въ той же одеждѣ не по времени года, съ тросточкой а на лѣвой ея рукѣ снова висѣлъ сложенный мужской костюмъ.

Сербу хотѣлось разсердиться, но видъ кроткихъ и совсѣмъ спокойныхъ синихъ глазъ, смотрѣвшихъ на него съ такимъ упованьемъ, остановили на полусловѣ рѣзкій отвѣтъ.

— Что угодно, мадамъ? сухо спросилъ ее онъ.

— У меня теперь очень хорошій костюмъ. Гораздо лучше того, что вы видѣли и тоже очень дешево — тоже двѣсти динаръ стоитъ... Дама собралась развертывать отдѣльныя принадлежности мужского одѣянія, висѣвшія на ея рукѣ.

— Пожалуйста не надо, мадамъ! Остановилъ ее рѣшительно сербъ. ... у меня здѣсь кабинетъ дѣловой. Сюда входятъ ежеминутно и курьеры, и служащіе, и посѣтители.

— Тогда выйдемте въ корридоръ, — дама не мѣняла любезнаго тона, не замѣтивъ, не почувствовавъ сдержаннаго неудовольствія своего собесѣдника, вслушиваясь только въ себя, преслѣдуя лишь поставленную неумолимой жизнью цѣль. Ея синія глаза съ такой довѣрчивостью

и мольбой смотрѣли на серба, что сердиться, положительно, было невозможно. Сербу было ясно, что, если даже онъ просто и грубо прогонитъ сейчасъ эту даму съ ея костюмомъ, то и тогда она останется невозмутимой, приметъ его грубость, какъ должное и пойдетъ къ слѣдующему случайному встрѣчному искать возможности продать костюмъ, чтобы заработать нѣсколько динаровъ, необходимыхъ ей на насущную жизнь, жизнь, не знающую ни пощады, ни сожалѣнія. Сербъ понималъ, что ему не втолковать дамѣ самыхъ естественныхъ и простыхъ доводовъ, что ему костюмъ не нуженъ и, не видя никакой возможности отъ нея избавиться, вдругъ вспомнилъ объ удачной, лукавой шуткѣ, благодаря которой онъ прошлый „штурмъ“ дамы отбилъ и къ тому-же надъ кузеномъ позабавился. Кстати, онъ сильно повздорилъ сегодня со своимъ старшимъ братомъ, считавшимъ время на деньги и ненавидившаго все, что отнимало у него это время. Братъ былъ большой педантъ, всегда занятый погоней за деньгами и интересовавшійся лишь биржей и банками. Сербъ далъ дамѣ его адресъ и облегченно вздохнулъ, увидѣвъ, что дама записываетъ этотъ адресъ, не вспомнивъ ни однимъ словомъ неудачу подобной-же рекомендаціи въ прошлый разъ.

Дама поблагодарила и ушла.

Черезъ часъ телефонъ гремѣлъ на письменномъ столѣ серба.

— Алло-алло! спросилъ сербъ.

Въ отвѣтъ раздался залпъ свирѣпыхъ

ругательствъ. Это старшій братъ неистовствовалъ.

— Какого діявола послалъ ты ко мнѣ эту даму! Чертъ бы ее židралъ! Зачѣмъ мнѣ поношенные брюки? Привязалась ко мнѣ — полъ часа времени моего убила!.. Безобразіе съ твоей стороны мой адресъ такимъ невмѣняемымъ давать...

Сербъ отъ души хохоталъ, представляя себѣ встрѣчу дамы съ комиссіоннымъ костюмомъ и своего дѣльца брата.

— Тебѣ все смѣшно! Всякаго встрѣчнаго ко мнѣ посылаетъ! Въ своемъ ты умѣ? Едва отъ этой „знаете-ли“ отвязался... Главное, приличная такая — выбросить нельзя, выбранить не рѣшаешься... Смотритъ серьезно и свое это „хорошо“, „пожалуйста“, „знаете-ли“ такъ и сыплетъ. Откуда ты эту полуумную вытянулъ? И чего ты мое время погубилъ? Я теперь потерялъ, по крайней мѣрѣ, двадцать тысячъ динаровъ.

— Утромъ, когда ссорились, ты сказалъ, что изъ за меня пятьдесятъ тысячъ динаровъ потерялъ, теперь еще двадцать. Бѣдный, бѣдный, за одинъ день семьдесятъ тысячъ динаровъ!... Сербъ добродушно иронизировалъ привычку брата считать свое время на деньги и весело смѣялся.

— Если-бы не по телефону говорили, право, отколотилъ-бы тебя! И что это за женщины, эти русскія дамы? Не понимаю ихъ! Богъ знаетъ, что такое: твоя сегодняшняя — воспитанная, будто даже деликатная, лицо такое славное, доброе и, какъ піявка, привязалась!... Я

ей говорю — не надо мнѣ ничего, а она — „жилетъ“, говоритъ, „посмотрите, пожалуйста, а брюки? а пиджакъ“... Чуть ни само совершенство по ея мнѣнію! Голодаетъ, что-ли? Хотѣлъ было дать ей сто динаровъ на бѣдность, а она вся вспыхнула и опять свое „знаете-ли“ завела: „костюмъ двѣсти динаровъ стоитъ, меньше нельзя, а мнѣ денегъ вашихъ не надо“... Такъ и ушла — не взяла сто динаръ... Ничего не понимаю!...

Когда трубка телефона была повѣшена, сербъ вызвалъ служителя и приказалъ ему, что, если опять придетъ та русская, которая была сегодня утромъ, то не впускать, а сказать, что нѣтъ дома.

* * *

Вскорѣ дама снова явилась къ своему „покровителю“. По обыкновенію она обратилась къ курьеру съ просьбой доложить о себѣ. Но, въ отвѣтъ служитель сурово заявилъ, что „господин отлазио“, т. е. ушелъ.

Дама недовѣрчиво покачала головой и сказала, что ей очень нужно видѣть „господина“, что она готова его ждать.

На это служитель сказалъ еще строже, что „господинъ“ совсѣмъ не придетъ до глубокой ночи и что ждать негдѣ. Дама нерѣшительно что-то пробормотала.

Но, непреклонная неумолимость на лицѣ курьера и его очевидное стремленіе направить даму къ двери были ясны

даже ей. Она постояла минуту, но потомъ вышла.

Внизу лѣстницы она остановилась, положила костюмъ, — бывшій, какъ обычно, на лѣвой рукѣ, — на подоконникъ и усѣлась на ступенькахъ.

Лицо ея было спокойно, даже больше того, неподвижно. А глаза, тоже спокойные, смотрѣли куда-то вдаль, поверхъ всего ея окружавшаго.

Очевидно она здѣсь рѣшила ждать своего знакомаго серба.

Домъ былъ большой со множествомъ конторъ и магазиновъ. По лѣстницѣ было большое движеніе. Проходившіе, однако, мало кто обращалъ вниманія на маленькую понуренную фигурку на полутемной лѣстницѣ. У каждаго была своя забота, свое дѣло. Да и вообще люди въ Сербіи весьма демократично настроены — условностей почти никакихъ не признаютъ, а болѣе культурные слои вполнѣ сознательно многія условности отбрасываютъ, какъ труху, обременяющую жизнь и лишающую человѣка независимости, трунятъ часто надъ формами, называя ихъ — „singeries“ — обезъянства. Никто въ этой свободолюбивой странѣ не удивится и не обратитъ вниманія, если кто-нибудь даже на улицѣ сядетъ на какую нибудь приступочку — сѣлъ и сиди, лишь-бы другимъ это не мѣшало. Швейцаровъ же, да дворниковъ и въ поминѣ нѣтъ.

Прошли часы. Дама все сидѣла, не мѣняя мѣста. Отъ усталости она уперлась обѣими руками на тросточку, а го-

лову опустила на руки и такъ, поникнувъ, сидѣла безъ движенія, погруженная въ какія-то, ей одной понятныя и ей одной вѣдомыя, нелегкія думы.

О родныхъ-ли поляхъ далекой родины? О ея зеленыхъ-ли горахъ по широкимъ рѣкамъ? О прежней-ли безпечальной жизни? О теперешней-ли своей беззащитности, одиночествѣ, непримѣнимости? Кто знаетъ!...

Уже замѣтно смеркалось. Вечерѣло.

— Мадамъ! Что вы здѣсь дѣлаете? раздался надъ ней знакомый голосъ, полный удивленія и нѣкотораго раздраженія.

Дама подняла голову. Синіе глаза ея были полны слезъ, а щеки горѣли болѣзненнымъ лихорадочнымъ румянцемъ.

— Извините... я васъ ждала... раздался тихій, дрожащій голосъ.

— Зачѣмъ-же вы на лѣстницѣ сидите? Отчего не вошли?

Дама сконфуженно и виновато улыбнулась, съ видимымъ усиліемъ поднялась и облокотилась о перила лѣстницы.

— Да я вѣдь ужъ давно... Какъ только собачекъ американки прогуляла, пообѣдала, такъ и пришла — васъ не застала. Служитель наверху не позволилъ ждать, а мнѣ васъ сегодня непремѣнно нужно!...

— Опять „по случаю“ что нибудь принесли?!! съ ужасомъ воскликнулъ сербъ и его доброжелательное сердце на этотъ разъ даже не сжалось сочувствіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно заговорила дама. Я замѣтила, что это васъ сер-

дитъ... Со мной, правда, есть комиссіонный костюмъ, но я, чтобы вамъ не было непріятно, заранѣе положила его подальше, — вонъ туда, на окно.

— Что-же вы хотите? Уже смягчаясь, но все-же нетерпѣливо спросилъ сербъ.

— Хотѣла васъ спросить... мнѣ вѣдь не съ кѣмъ посовѣтоваться... Имѣю-ли я право, какъ „дневничаръ", считаться на казенной службѣ? И будетъ-ли меня лѣчить безплатно казенный докторъ? Если да, какъ это сдѣлать?

— А что съ вами?

— Больна... все послѣднее время такъ какъ-то больна. Сама не знаю что такое! Едва работаю...

Дѣйствительно, глаза ея казались воспаленными. Взглядъ былъ какой-то упорный, нездоровый.

— Простудились?

— Не знаю. Можетъ быть и простудилась. Можетъ быть новая квартира сырая, — не знаю...

— Вы переѣхали?

— Да, т. е., знаете-ли, хозяйка сказала, чтобы я переѣхала. Какъ я долгъ выплатила, такъ она и сказала. „Сама", говоритъ, — „я не богатая, чтобы держать жильцовъ, которые по мѣсяцамъ не платятъ"...

— Вы же говорите, что заплатили ей?

— Да, за все время, весь долгъ выплатила и впередъ хотѣла за мѣсяцъ дать, но она сказала, что такія, какъ я,

опять могутъ попасть въ такое положеніе, что нечѣмъ будетъ платить и не взяла впередъ, велѣла выѣхать. Три дня сроку дала, а потомъ корзину мою сама увязала, и на лѣстницу выставила... Что же дѣлать?! Она и не могла иначе поступить... Я ей благодарна, что раньше, когда денегъ не было — не выгнала. На новомъ мѣстѣ я не одна — русская: мы съ одной сестрой милосердія вдвоемъ въ комнаткѣ... заходите какъ нибудь...

Дама закашлялась.

— На безплатное лѣченіе, спохватился сербъ, вы, вѣроятно, имѣете право, но очень долго ждать очереди. Идите лучше къ моему дядѣ. Онъ знающій докторъ. Въ Россіи учился и съ русскихъ ничего не беретъ. Вотъ моя карточка и идите сейчасъ къ нему. Онъ какъ разъ по вечерамъ принимаетъ. Сербъ написалъ нѣсколько словъ и остановился.

— И зачѣмъ вы этими костюмами торгуете? Вѣдь это васъ очень утомляетъ! До часу дня въ статистикѣ, тамъ собачекъ американки водите гулять и еще почти до самаго вечера ходите съ этими костюмами!

— Такъ я же зарабатываю, если продамъ.

— Много?

— Да, конечно. Если продамъ костюмъ, то двадцать пять динаровъ съ каждаго получаю. А вѣдь не трудно продавать; не надо думать и волноваться, какъ въ статистикѣ надъ каждой циф-

рой, — только ходить, да показывать... а мнѣ теперь и думать трудно, — голова сама свои мысли думаетъ...

Сербъ далъ карточку къ доктору, простился и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Дама вслѣдъ ему лепетала свои благодарности. Развѣсивъ на лѣвой рукѣ комиссіонный костюмъ, правой опираясь на тросточку, она съ трудомъ сдвинулась съ мѣста и маленькими шажками затаропилась по указанному адресу.

Докторъ принялъ ее очень любезно, прописалъ лѣкарство и велѣлъ прійти черезъ недѣлю.

* * *

— Была у тебя русская вчера вечеромъ? Спрашивалъ своего дядю сербъ, встрѣтившись съ нимъ на другой день.

— Та, которую ты прислалъ?

— Да, да, съ тросточкой.

— Русскія дамы, да и русскія барышни теперь всѣ почти съ тросточками ходятъ. Мода, или бѣженская необходимость, а рѣдко кто изъ нихъ безъ тросточки... Пожилая? Съ дѣтскими синими глазами?

— Ну да, да.

— Была, какъ-же... Старикъ докторъ громко и раскатисто разсмѣялся.

— Что? Не больна, — притворяется?

— Нѣтъ, нѣтъ! Хохоталъ старикъ. Она — больна. И, вѣроятно, неизлѣчимо. У нея острое малокровіе, совершенно разбитая нервная система, и, уже глубо-

ко проникшая въ легкія, чахотка. Несомнѣнно, всѣ эти недуги, вмѣстѣ взятые съ личнымъ горемъ и пережитыми русскими ужасами, расшатали ея духовное равновѣсіе. Въ ней есть что-то для рядового обывателя непонятное, изъ сѣрой повседневной сутолки соскочившее съ рельсъ. Точно поверхъ всего она смотритъ: и толчется въ самой гущѣ этой повседнерщины, а не цѣнитъ ее, не цѣпляется за нее, смысла въ ней не видитъ; словно неизбѣжная формальность для нея эта вся жизненная суетня.

— Такъ чего-же ты хохочешь? Разсердился сербъ и пальцемъ притушилъ огонь папироски, точно физической болью заглушалъ боль душевную.

— Какъ-же не смѣятся? добродушно отвѣтилъ старикъ. Посуди самъ: пришла дама, какъ дама. Видно хорошаго общества, воспитанная; изъ-за нужды, правда, одежда не свѣжая, но оно и понятно — „избеглица". Осмотрѣлъ, прописалъ что нужно на рецептѣ, прощаюсь. А она мнѣ какой-то пакетъ тащитъ. „Заплатить вамъ", говоритъ, — „я не могу, а вотъ брюки хорошіе очень дешево для васъ отдамъ"... Я былъ въ длинномъ докторскомъ халатѣ, ей и не видно, что я военный. Уговариваетъ, со всѣхъ сторонъ вещь показываетъ. Я шучу:

— Извините, мадамъ,— ни патріархъ, ни я — брюкъ не носимъ... А дама все свое и всячески мнѣ свою комиссіонную пару расхваливаетъ, и такъ, и этакъ ее повертываетъ. Вижу спасенія нѣтъ отъ дамы. Думаю надо перемѣнить тему, от-

влечь вниманіе — завелъ граммофонъ.

— Вотъ, говорю, Шаляпина вашего послушайте.

Какое тамъ! Не слушаетъ, а еще убѣдительнѣе уговариваетъ „замѣчательные“ брюки купить. Въ азартѣ возьми, да и положи ихъ прямо на граммофонныя пластинки... Ты знаешь, какой у меня дорогой граммофонъ, какъ я имъ дорожу, вѣдь и пластинки у меня всѣ на подборъ — рѣдкія... Разсердился я, какъ никогда, сбросилъ на стулъ злосчастные брюки, распахнулъ халатъ и говорю:

— Видите, я военный — штатскихъ брюкъ не могу носить, не имѣю права... чакчары ношу!...

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! совершенно серьезно и спокойно сказала дама. Съ очень огорченнымъ видомъ нагнулась и внимательно посмотрѣла на мои чакчары, точно хотѣла убѣдиться, что, дѣйствительно, они военные. Съ такой-же серьезностью сложила комиссіонные брюки, благодарила за консультацію и ушла, видимо, очень все-же опечаленная, что не смогла меня облагодѣтельствовать, одѣвъ эти ужасные брюки...

— Всетаки мнѣ ее жаль дѣлается, мрачно проговорилъ сербъ.

— Сознаюсь тебѣ по секрету, что я... эти брюки купилъ. Вернулъ ее уже съ лѣстницы, — стыдно стало, что разсердился — извинился и сказалъ, что я вспомнилъ о томъ, что у меня есть род-

ственникъ, для котораго эти брюки — находка...

Оба громко расхохотались.

— А дама?

— Она пресерьезно все приняла. Еще разъ повторила, что брюки замѣчательные и крайне дешевы. Ушла съ полнымъ, повидимому, убѣжденіемъ, что сдѣлала мнѣ одолженіе, расплатилась со мной за лѣчебный осмотръ...

Докторъ снова громко и добродушно разсмѣялся.

— Развѣ понимаемъ мы, что сейчасъ у нихъ, — у русскихъ этихъ „избеглица", на ихъ растерянной душѣ? Словно размышляя вслухъ, заговорилъ, хмурясь, старикъ докторъ. Сплошная борьба сновъ о прошломъ съ жалкой и тяжкой тѣнью жизни, съ этимъ прозябаньемъ пришибленныхъ къ землѣ, все еще надѣющихся людей. И, вся ихъ трагедія въ томъ, что они не могутъ не надѣяться... Вѣдь это они сами! И какъ имъ измѣнить привычкамъ, создававшимся тысячелѣтіями? Традиціямъ, изъ рода въ родъ передававшимся? Эти люди скованы во всемъ привычкой, проникшей всѣ фибры ихъ тѣлеснаго и душевнаго существа.

Да развѣ такая дама, какъ твоя знакомая, съ ея комиссіоннымъ костюмомъ, развѣ она придаетъ значеніе этой своей теперешней жизни? Да, нисколько! Эта жизнь вѣдь не имѣетъ ничего сходнаго съ тѣмъ, что она съ дѣтства считала „жизнью" и ей все равно до всѣхъ, и

до всего. У нея когда-то было родное государство, въ которомъ она имѣла мѣсто. Знала свои права и обязанности, знала, что имѣетъ право на защиту своего человѣческаго достоинства и то, что найдетъ ее. А теперь, — все изъ милости...

— Главное, дядя, она знала, что у нея есть семья, которая ее не оставитъ и въ которой она всегда получитъ поддержку и совѣтъ, сказалъ сербъ. Не говорю о такихъ, какъ эта, потерявшихъ своего „Сереженьку" — вѣдь она ничто въ теперешней жизни и всѣ ея ощущенія, вѣроятно, подобны ощущеніямъ повиснувшаго надъ обрывомъ и ожидающаго лишь мгновенія, когда послѣдняя былинка, за которую еще случайно держится, — оборвется и онъ безвозвратно скатится въ бездну неминуемой гибели духовной или физической.

— Твоя знакомая совсѣмъ одинока, продолжалъ между тѣмъ докторъ, въ жуткой пустотѣ одиночества, которое пригибаетъ и сильнаго человѣка, а слабую женщину дѣлаетъ совсѣмъ растерянной. Она, друже, за тебя схватилась не ради одного хлѣба насущнаго, — не потому что ты ей помогъ, на службу далъ возможность поступить, — а ходитъ къ тебѣ за совѣтомъ, безсознательно ища въ тебѣ хоть нѣчто, подобное „Сереженькѣ", въ лучшемъ смыслѣ слова, то есть въ смыслѣ потребности человѣческой души, особенно женской, опереться на чью-то болѣе твердую руку, на руку доброжелательнаго человѣка. Все ихъ бѣженское существованіе — безпомощность, съ ко-

торой борется чувство самосохраненія, борется хватаясь за жизнь, хватаясь за такіе жалкіе обломки ея, какъ это ихъ бѣженское прозябаніе...

Старикъ докторъ давно пересталъ смѣяться, а, всегда веселый, племянникъ его нахмурился и молчалъ, и курилъ папиросу за папиросой.

Старикъ умолкъ. Оба сидѣли безъ словъ и каждый думалъ свою думу.

Вспоминали-ль они, какъ когда-то, еще такъ недавно, они — сербы, вытѣсненные изъ родной земли врагомъ, черезъ снѣга Албанскихъ горъ брели безъ цѣли въ чужіе края, теряли близкихъ, видѣли въ заревѣ пожаровъ гибель родного крова... Или грезилось имъ великое былое „майки Русіи", какъ они называли Россію? Ея просторъ, и мощь, взростившіе ширь натуры русскаго человѣка со всѣми изгибами и надломами его ищущей, мятущейся души? Вспоминали-ли они, какъ ихъ, — сербовъ и другихъ братьевъ славянъ, когда-то нѣжно принимала въ свои объятія радушная Россія? Тѣснились-ли въ мысляхъ ихъ неразрѣшимые вопросы: куда приведетъ не одну Россію, а всю Европу, рожденная на болотахъ Петербурга и расползшаяся по всѣмъ русскимъ степямъ и горамъ, змѣя - революція?....

Что думали они — счастливые побѣдители этой, несравненной по ужасамъ и количеству принявшихъ въ ней участіе людей, — „Великой войны"? Они — побѣдители, за которыхъ когда-то встала

Мать — Русь и нынѣ лежитъ погибающая съ разсѣченными членами, въ грязи, въ крови, въ потокахъ слезъ, среди бурь стоновъ и воплей, Мать-Русь, растерявшая своихъ дѣтей?... Объ одномъ-ли изъ несчастныхъ чадъ Россіи — о вдовѣ генеральшѣ думали они? Кто знаетъ? Кто угадаетъ!... . . . .

. . . .

. . . .

* * *

Прошла не одна недѣля и сербъ вспомнилъ какъ-то о русской дамѣ. Онъ ее больше не встрѣчалъ. Вспомнилъ, что послѣдній разъ она была больна. Чувство, похожее на отвѣтственность за чужую жизнь, заволновало его. Онъ вынулъ бумажникъ, въ одномъ изъ отдѣленій его нашелъ, записанный когда-то, адресъ. Не откладывая, сербъ вскочилъ въ первый трамвай и поѣхалъ на самый край города, гдѣ жила дама.

Отысканъ домъ: низенькій, съ использованными всюду уголками, набитый бѣдными жильцами. Дворъ, — узенькій корридорчикъ, аршина три шириной. На вопросъ о „рускиньи“, множество высунувшихся изъ дверей и оконъ, любопытныхъ обитателей этого человѣческаго муравейника указываютъ ея „жилище“: не то чуланъ, не то дровяникъ. Дверь отчего-то наполовину застеклена, вѣроятно, для свѣта; наполовину забита толстой

бумагой. Сербъ собрался было повернуть домой, испугавшись вдругъ, что своимъ появленіемъ смутитъ даму, но было поздно. Хозяйка-сербка стукнула за него въ раму двери и изъ за нее послышался знакомый, но словно утомленный, голосъ: „кто тамъ?“

— Здраствуйте, мадамъ, это я — Петковичъ...

— Ахъ, это вы, какъ я рада!! оживленно, но все съ той-же надтреснутостью, прозвучалъ голосъ дамы. Простите... подождите минуточку, я сейчасъ...

— Пожалуйста, пожалуйста...

Сербъ, не имѣя гдѣ ждать, зашагалъ по узенькому двору, куря папиросу.

— Уже недѣли двѣ лежитъ, подошла, между тѣмъ, съ любопытствомъ на лицѣ, хозяйка сербка. Встанетъ, закашляется и все лежитъ, а тутъ сыро. Я и сдавать не хотѣла, а она уговорила, что это ей одолженіе, а то не найдетъ въ Бѣлградѣ за дешевую цѣну. Всего сто пятьдесятъ динаровъ платитъ...

Дверь открылась. Дама пригласила серба войти къ ней въ „комнату“.

Онъ не могъ скрыть своего изумленія: въ длину — дай Богъ четыре аршина; въ ширину — меньше того; полъ и стѣны изъ кирпича, влажнаго и заплѣсневѣвшаго отъ втягиваемой имъ изъ земли, очевидно, не совсѣмъ чистыхъ сосѣднихъ помѣщеній, плохо пахнущую сырость; свѣтъ слабо пробивается черезъ стекло тонкой двери, въ щели которой свободно проникаетъ холодный воздухъ;

опрокинутый ящикъ, — видимо столъ, судя по большой фотографіи пожилого человѣка въ формѣ русскаго генерала, тутъ-же стоящей спиртовкѣ, чашкѣ, огаркѣ свѣчи; около — стулъ съ двумя дощечками вмѣсто сидѣнія; крошечная желѣзная печь въ углу и постель... если можно такъ назвать узкій, гробовидный ящикъ на двухъ опрокинутыхъ ящикахъ, покрытый одѣяломъ солдатскаго образца.

— Извините, пожалуйста, у меня неуютно... торопливо и конфузливо прервала дама неловкое молчаніе, оглядывавшагося вокругъ себя, серба.

— Какъ-же можно здѣсь жить! Я заявлю въ полицію, чтобы запретили хозяйкѣ сдавать живымъ людямъ эту яму!.. воскликнулъ сербъ съ негодованіемъ.

— Что вы, что вы, Богъ съ вами!... Этотъ уголокъ — для меня спасеніе!... И хозяйка добрая...

— Да вѣдь вы же изъ за этой комнаты пропадете...

— Право ничего... Это я просто немного простудилась... Дама, завернувшись въ шаль, присѣла на край своего „ложа", а единственный стулъ былъ предложенъ гостю съ такимъ видомъ и граціей, съ какими въ прежнія времена приглашались, вѣроятно, занять мѣсто посѣтители ея салона.

Сербъ въ первый разъ видѣлъ свою знакомую безъ шляпы: густые волосы были въ рѣзкихъ сѣдыхъ полосахъ, столь характерныхъ для человѣка, пережившa-

го приступы безмѣрнаго горя; блѣдное же лицо казалось еще худѣе. Одни большіе синіе глаза сіяли такимъ искреннимъ радушіемъ и смотря, будто не видѣли окружавшей ихъ реальности, а, словно, жили какимъ-то своимъ, имъ однимъ извѣстнымъ, внутреннимъ міромъ.

Убѣдивъ серба не лишать ее этого, хотя и не „уютнаго", но „удобнаго" жилища, она успокоилась совершенно и старалась „занять" нежданнаго посѣтителя.

— Васъ удивляетъ эта комната? Но, если бы вы знали, какъ ужасно мы одно время съ Сереженькой жили въ одномъ бѣженскомъ общежитіи! Одѣялами отдѣлялись отъ другихъ. Грязь, тѣснота, духота, дымъ, чадъ, и день и ночь шумъ, да и... чего только не было за этими одѣялами! А Сереженька придетъ съ погрузки усталый...

— Носильщикомъ работалъ?

— Да, собственно, не носильщикомъ, а именно грузчикомъ. Мѣшки съ солью носилъ. У него отъ непривычки вся спина одно время, какъ рана была, — натеръ ее тяжелыми мѣшками. Желтуха еще сдѣлалась — говорили желчь разлилась, тоже отъ непривычки къ такому труду; послѣ у него малярія была, потомъ тифъ... все вынесъ, а потомъ вдругъ... утонулъ: разливъ былъ ту весну большой... оступился съ тяжестью... упалъ... и унесло его... плавалъ плохо, да еще ослабѣлъ отъ большой работы, усталъ и отъ этой всей жизни...

Голосъ дамы пресѣкся, руки ея,

запахивая крѣпче шаль, замѣтно, дрожали.

— У васъ знакомые русскіе есть? спросилъ сербъ, мѣняя тяжелую для дамы тему.

— Есть. Всѣ теперь — знакомые и незнакомые. У каждаго столько своего, что некогда чужими дѣлами заниматься. Пока Сереженька былъ, все было хорошо. Онъ всегда и раньше, въ прежней жизни, обо мнѣ заботился. Я вѣдь съ дѣтства была очень избалована. Меня ни въ институтъ, ни въ приходяшую школу не отдали. Мать меня изъ дома не выпускала. На домъ къ намъ и учителя ходили, а гувернантки до самаго замужества окружали. Сереженька меня и утѣшитъ бывало. Какъ сейчасъ помню: на одномъ придворномъ балу греческіе принцы стали шутить со мной... я совсѣмъ юной съ Сережей повѣнчалась — 29 октября мнѣ шестнадцать лѣтъ минуло, а 2 ноября свадьба была, да и роста я не большого вѣдь. Принцы смѣялись и называли меня „микра кирія". Я все отшучивалась, а потомъ обидѣлась, разсердилась до слезъ, чуть не плачу и принцамъ говорю: „я не микра-кирія, я не кукла — я дама"!... Сережа издали замѣтилъ, что я вотъ-вотъ расплачусь, подошелъ, а я къ нему. Онъ меня успокоить съумѣлъ и пожурилъ тоже: „помни, ты жена офицера и плакать нельзя"... А самъ вѣдь тоже мальчикъ еще былъ, подпоручикъ гвардіи, 22 лѣтъ. Нѣжили меня дома и Сереженька меня всегда баловалъ. Никто, никогда не повѣрилъ-

бы, что я совсѣмъ одна когда-нибудь должна буду на свѣтѣ жить и все сама дѣлать. Я вѣдь раньше денегъ въ руки не брала...

Боясь утомлять больную даму, сербъ поднялся, собираясь уходить. Дама была безгранично тронута его вниманіемъ и сердечно благодарила. Вдругъ она отошла къ своему „столу" и, протягивая крошечный свертокъ въ бумагѣ, съ мольбой сказала:

— Это я давно собиралась вамъ какъ-нибудь отдать. Это — самое дорогое для меня, что осталось отъ прежней жизни — воспоминаніе о моей матери... каждую Пасху она дарила мнѣ такіе пустяки... Но вы должны дать мнѣ слово, что вы только дома, у себя, развернете... Вы не должны отказывать — вы меня серьезно огорчите. Я давно думала, что мнѣ будетъ такъ пріятно дать вамъ это на память — вы такъ добры были ко мнѣ всегда...

Сербъ не зналъ что и дѣлать, но, боясь обидѣть отказомъ, видя искреннюю не просьбу, а прямо мольбу въ глазахъ дамы, взялъ, поблагодарилъ и ушелъ.

Едва выйдя на улицу, онъ съ любопытствомъ сейчасъ же развернулъ крошечный сверточекъ бумаги: малюсенькій аметистовый зайчикъ прелестной работы лежалъ на его большой ладони; на шеѣ зайчика былъ золотой ошейникъ филигранной работы съ изумруднымъ яичкомъ и замочкомъ, на которомъ изящно было вырѣзано „фаберже"... Сербъ

окончательно смутился и побѣжалъ назадъ. Но хозяйка, не менѣе его удивленная, сказала, что „рускиньи“ нѣтъ дома и тутъ-же тихо добавила: „легла и не велѣла, если вы вернетесь, пускать къ ней, а сказать, что ушла...“

Сербъ не зналъ, что и дѣлать.

Вернувшись домой, онъ позвонилъ дядѣ доктору. Разсказалъ ему о своемъ визитѣ и объ обстановкѣ жилья дамы. Добрякъ докторъ рѣшилъ самъ поѣхать навѣстить больную. Докторъ принялся лѣчить даму и вскорѣ сообщилъ своему другу племяннику, что она настолько окрѣпла, что снова ходитъ въ статистику. Но старикъ увѣрялъ, что это внѣшнее здоровье.

* * *

Прошли недѣли и мѣсяцы.

Однажды сербъ снова увидѣлъ въ своемъ пріемномъ дѣловомъ кабинетѣ знакомую русскую даму. По обыкновенію она была съ тросточкой въ рукѣ. но въ одеждѣ ея было что-то свѣжее. Вмѣсто комиссіоннаго костюма на ея лѣвой рукѣ болталась большая шляпная картонка.

— Здраствуйте, мадамъ, давно васъ не видѣлъ! Какъ поживаете? Любезно встрѣтилъ ее сербъ.

— Благодарю васъ, совсѣмъ хорошо. Мы вѣдь не видѣлись цѣлый вѣкъ! Я должна васъ благодарить за вашего дядю-доктора. Онъ мнѣ очень помогъ,

меня и на ноги поставилъ — я совсѣмъ здорова теперь...

Лихорадочный румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, а синіе глаза казались еще больше, еще ярче блестѣли, освѣщая, еще похудѣвшее, лицо.

— Знаете, я вѣдь на курсы шляпъ поступила, экзаменъ уже сдала и бумагу получила. Уже умѣю сама дѣлать шляпы — это даже довольно занимательно. Вы не замѣтили, что на мнѣ новая шляпа? Я сама ее дѣлала. Посмотрите! Нравится? Одобряете?

Дама серьезно повертывала голову, какъ манекенъ, или вѣрнѣе, какъ послушный ребенокъ, когда ему говорятъ: „покажись, дѣточка, какой у тебя красивый бантикъ!..“

— Очень хорошо, мадамъ, — смѣялся добродушно сербъ.

— Сереженька навѣрно похвалилъ-бы меня. Онъ бы никогда не повѣрилъ, что я смогу сама шить шляпки. Теперь я придумала что-то, вы не должны мнѣ отказать: я узнала — у васъ есть жена и четыре большихъ дочки, — вы должны мнѣ позволить имъ всѣмъ сдѣлать по шляпкѣ. Я буду очень стараться и возьму дешево-дешево, много дешевле, чѣмъ въ магазинѣ. Согласны?

— Очень хорошо, мадамъ, очень хорошо... повторялъ сербъ, не зная какъ поступить съ новымъ для него шляпнымъ вопросомъ. Послѣ давнишней бесѣды со старикомъ докторомъ, сербъ примирился съ тѣмъ, что дама со всѣми

своими вопросами является къ нему.

— Согласны! Ахъ, какъ я рада! Отлично, отлично! Дама поняла нерѣшительность собесѣдника по своему.

— Чтобы не откладывать въ долгій ящикъ, воскликнула дама, я отправлюсь сейчасъ-же къ вамъ на квартиру. И сегодня-же сниму мѣрку со всѣхъ вашихъ дѣвочекъ и съ жены. Какая шляпа вамъ больше нравится, какую-бы вы предпочли для жены: „шими“ или „дьяболо“, „парашютъ“ или „тутъ-анъ-коменъ“?... Дѣвочкамъ позвольте предложить genre anglais, это хотя и не такъ модно, но и дешевле, и для юнаго личика элегантнѣе, и скромнѣе, — comme il faut... Дама въ увлеченіи оживленно сыпала слова, а сербъ не успѣвалъ даже вставить своего слова.

— Право, мадамъ, я въ этомъ ничего не понимаю! Если ужъ вы непремѣнно рѣшили шить шляпы моей семьѣ, то вы ужъ съ ними и сговоритесь. Сейчасъ напишу записку женѣ... вы вѣдь не знакомы съ ней...

— Очень, очень благодарю васъ...

Сербъ писалъ записку.

Вдругъ дама закашлялась и никакъ не могла совладать съ приступомъ. Отъ напряженія слезы выступили на глазахъ, а глаза сконфуженно улыбались. Въ захлебываніяхъ этого кашля, во вздрагиваніи плечъ было что-то такое зловѣщее, что сербъ остановился писать.

— Не надо-ли воды, мадамъ?

Та покачала головой и еще сконфуженнѣе вскинула глазами изъ за платка, которымъ прикрывала ротъ.

Кашель внезапно оборвался, а платокъ побагровѣлъ въ рукахъ испугавшейся и растерявшейся дамы. На пальцахъ, сжимавшихъ еще у рта платокъ, показалась кровь и тонкими каплями потекла на платье. Дама поблѣднѣла, безпомощно откинулась на спинку кресла и вдругъ вся поникла, какъ надломленный цвѣтокъ. Обагренный платокъ выпалъ изъ рукъ. Она потеряла сознаніе...

Сербъ схватилъ стаканъ воды, бросился къ дамѣ, но та оставалась недвижима, а ея еще поблѣднѣвшее лицо съ закрытыми глазами навело на него ужасъ. Онъ выбѣжалъ въ корридоръ. Служитель полетѣлъ за санитарной каретой, секретарь звонилъ по телефону къ доктору въ больницу. Вбѣжавъ обратно въ кабинетъ, сербъ увидалъ къ своей радости, что дама открыла глаза. Она слабо и застѣнчиво улыбнулась, поправила шляпу, съ удивленіемъ взглянула на темныя пятна на своемъ платьѣ, на руку въ крови, сразу все вспомнила и, вспыхнувъ отъ смущенія, собралась встать, но силы ей измѣнили, она снова упала въ кресло и покорно, и робко взглянула на серба.

— Что вы дѣлаете, мадамъ... Не надо вставать... Сейчасъ дядя пріѣдетъ, онъ васъ уже лѣчилъ... Онъ васъ отвезетъ въ больницу, все устроитъ, чтобы вамъ было тамъ хорошо... Тамъ васъ вылѣчатъ... вы тамъ поправитесь...

Дама застѣнчиво улыбалась.

Сербъ замолчалъ, закурилъ было папиросу, но сейчасъ-же быстро потушилъ ее, сообразивъ, что дымъ будетъ раздражать дыханіе больной.

— Мнѣ кажется иногда, что вы братъ Сереженьки... вы такъ добры ко мнѣ... извините меня... Тихо и хрипло пролепетали блѣдныя губы.

Она опустила вѣки.

— Мнѣ очень стыдно...

— Что вы, что вы, мадамъ, — все будетъ хорошо...

Сербу было не по себѣ. Онъ не могъ справиться со своимъ волненіемъ.

— Не знаю что со мной случилось... Шептала дама, не поднимая головы. Я совсѣмъ здорова, — и въ статистикѣ работала, и собачекъ американки гулять водила... и курсы шляпные кончила... думала всѣ долги заплачу... на ограду вокругъ могилки Сереженьки копить начала... думала — ему все устрою... а тутъ вдругъ такой... случай...

— Ничего, ничего, мадамъ!... Сербъ смотрѣлъ съ нетерпѣніемъ на часы, а докторъ все не ѣхалъ.

— ...теперь вы говорите „въ больницу“ ... меня изъ статистики уволятъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, мадамъ, — я все устрою...

— Все равно, сколько времени пролежу неизвѣстно... работать опять не буду, опять безъ денегъ, опять все будетъ сплошной только долгъ... И васъ я вотъ все безпокою...

Еще хотѣла сказать, но снова что-то заклокотало въ груди и она испуганно прижала свои маленькія, худенькія ручки крестомъ къ впалой груди и закусила губу. Невѣроятнымъ усиліемъ воли она сдержала новый приступъ кашля. Сербъ заметался по комнатѣ, не зная какъ помочь, что дѣлать.

Въ это мгновеніе вошелъ, наконецъ, старикъ докторъ. Однимъ взглядомъ окинулъ онъ кабинетъ и понялъ все. Серьезное выраженіе лица его мгновенно замѣнило искусственно-шутливое и онъ, какъ ребенка, сталъ утѣшать даму. Онъ говорилъ, что все пустяки — переутомленіе, перенапряженіе нервовъ, что все скоро пройдетъ — надо только не волноваться и слушаться его. А онъ — онъ отвезетъ ее въ больницу, гдѣ ей будетъ совсѣмъ хорошо.

Дама почти не шевельнулась и не подняла вѣкъ. Она все еще съ испугомъ держалась за грудь, словно боялась опустить руки, будто сдерживая новый взрывъ боли въ этой измученной груди, боль, которую ей такъ не хотѣлось обнаружить передъ чужими. Блѣдныя губы едва улыбнулись при появленіи доктора, но тотчасъ же сжались въ сосредоточенномъ вниманіи.

Пріѣхалъ городской санитарный автомобиль. Въ кабинетъ подняли носилки.

Дама удивленно взглянула на носилки, на равнодушныхъ санитаровъ, на хлопотавшаго около нея старичка доктора.

уговаривавшаго ее съ его помощью лечь на носилки — „чтобы не расходовать даромъ силъ“...

Долгимъ взглядомъ обвела она кабинетъ и взоръ ея остановился на картонкѣ, съ которой она недавно вошла сюда. Она вдругъ тихонько засмѣялась и протянула руку сербу, молча смотрѣвшему на происходившее.

— До свиданія, мадамъ...

— До свиданія... раздалось тихое эхо.

Она уже лежала на носилкахъ съ высоко поднятымъ изголовьемъ. Санитары подняли носилки и собирались ихъ выносить. Тогда она жестомъ доктору, дала понять, что проситъ, чтобы остановились.

— Господине, сказала она съ мольбой въ, дрожавшемъ отъ слабости, голосѣ... Не сердитесь на меня... простите, что столько непріятностей я вамъ...

— Что вы, мадамъ, что вы!.. успокаивалъ тотъ.

— ... окажите мнѣ милость, въ картонкѣ моя лучшая работа... шляпка экзамена... я несла ее въ магазинъ... будьте добрымъ... это совсѣмъ хорошая шляпа... не откажите... передайте ее отъ меня... вашей женѣ... отъ меня...

Сербъ было сдѣлалъ протестующій жестъ, но на блѣдномъ лицѣ на носилкахъ, въ грустныхъ терпѣливыхъ глазахъ отразилась такая искренняя просьба, что онъ замолчалъ на полусловѣ.

— Хорошо?...

— Да, мадамъ...

— ...какъ я вамъ благодарна за все... за все...

Утомленная, но успокоившаяся, она опять закрыла глаза.

Докторъ велѣлъ нести скорѣй въ карету санитарнаго автомобиля.

Дама не открыла глазъ, а еще заслонила лицо одной рукой, не то стыдясь того, что на нее смотрятъ, не то не желая сама видѣть окружающаго...

Сербъ остался одинъ въ кабинетѣ. Равнодушная и любопытная толпа зѣвакъ стояла у подъѣзда, привлеченная видомъ санитарнаго автомобиля.

Сербъ смотрѣлъ изъ окна своего кабинета. Боясь кривотолковъ знакомыхъ, которые могли оказаться среди прохожихъ, онъ не спустился проводить, не изъ за себя онъ не хотѣлъ этого, а изъ за нее. Ему было бы больно, чтобы на ея обликъ легла малѣйшая тѣнь и даже не на нее, нѣтъ, а на русское имя. Это имя ему съ дѣтства, еще со времени, когда онъ слушалъ байки старой бабушки, еще въ родномъ селѣ старой Сербіи... Съ тѣхъ поръ еще считалъ онъ это имя для себя священнымъ.

* * *

У стараго доктора и у его племянника создалась общая забота: здоровье одинокой русской. Не сговариваясь, оба при встрѣчахъ прежде всего обмѣнивались свѣдѣніями о состояніи больной.

— Вопросъ немногихъ мѣсяцевъ, недѣль даже, сказалъ однажды докторъ.

— Ты думаешь?

— А ты еще спрашиваешь?

— И что-же? настаивалъ сербъ, точно желая услышать самое слово.

— Смерть, конечно...

Оба замолкли.

Смерть!...

Крылатая тайна пронеслась въ подсознательномъ мірѣ каждаго изъ нихъ и сѣти человѣческой мысли не уловили ее и въ этотъ разъ.

Докторъ привыкъ къ своему безсилью передъ неодолимой, предвѣчной загадкой. Она такъ часто заглядывала въ его духовныя глубины, выхватывая изъ подъ его рукъ столько жертвъ и снова ускользала, какъ и до того неразгаданная, неуловимая, даже для него, — медика. Докторъ давно заглушилъ въ себѣ всѣ размышленія о смерти, смирившись передъ ея Величіемъ и Простотой.

Но, сербъ со своимъ живымъ характеромъ, съ пытливостью своего ума не могъ сохранять равновѣсіе духа, когда Смерть торжествовала свою побѣду надъ человѣчествомъ, надъ жизнью, соткан-

ной Творцомъ вселенной въ одинъ волшебный, многоцвѣтный коверъ, когда Смерть изъ этого ковра жизни съ одинаковой легкостью вырывала орнаменты растеній, животныхъ, отдѣльныхъ людей, цѣлыхъ націй и уносила ихъ въ свою, невѣдомую для земного, обитель... Тогда его мысль билась, какъ птица въ тѣсной клѣткѣ и требовала отвѣта на то, что творила Смерть съ существомъ, вырваннымъ изъ жизни. Творили-ли вообще что-нибудь? Пересаживали-ли въ свою ткань смерти? Или растворяла, развѣвали въ ничто среди тумановъ своего царства?... Когда Смерть близко подходила онъ стремился заглянуть въ ея глубокіе глаза, лишенные блеска и цвѣта, схватить ее за невидимыя полы одежды, остановить бѣгъ часовъ и волей иль неволей, а вырвать у Смерти ея тайну...

Какъ бѣшенный вихрь, вздымающій песокъ пустыни въ громады горъ, во вьющіеся столбы, рвущіеся къ небу, его мысль съ яростной отвагой и съ жалобнымъ стономъ носилась каждый разъ вокругъ тѣла, остывавшаго отъ прикосновенія Смерти и, какъ вихрь бурнаго самума, взвившись почти до далекихъ звѣздъ, пытливая мысль его съ еще большей силой падала на землю, разсыпаясь безчисленнымъ множествомъ мелкихъ, незначущихъ песчинокъ мысли...

И сейчасъ душа серба снова заметалась, застонала въ сознаніи собственнаго безсилія передъ велѣніемъ и непрекорностью Смерти. Онъ снова ощутилъ, будто на самую жизнь на землѣ, на ея

яркіе цвѣты легла тѣнь угрожающей, безпощадной руки Смерти. Снова переживалъ онъ муку человѣческой безпомощности передъ тѣмъ, что сильнѣе всего человѣческаго... Неожиданно подкравшаяся Смерть словно сорвала, неощутимую до того, повязку съ его глазъ. Мысль его взметнулась, дуновеніе смерти взмело ее на такую высь, съ которой горизонты жизни открылись предъ нимъ, какъ на ладони, и ему снова показалось, что образы, понятія, линіи, формы, которыя онъ считалъ предѣльными, конечными, — были лишь созданы его собственнымъ воображеніемъ, а все, казавшееся важнымъ, стало — не важнымъ... Человѣческая душа его ощутила другую, также непостигаемую тайну — тайну жизни. Тайну, ради которой должны рождаться люди, жить въ борьбѣ, страдать: для непонятныхъ людямъ цѣлей и смысла, приходить изъ чертоговъ мрака Тайны и уходить въ невѣдомый часъ въ чертоги Тайны безвѣчнаго міризданія...

— Вотъ, думалъ онъ, жизнь оставитъ тѣло и все та-же форма, лишенная одной тайны, станетъ достояніемъ другой: тайну жизни смѣнитъ тайна смерти...

— Ты все думаешь: возможна-ли борьба? прервалъ его думы докторъ.

— Да... н-нѣтъ... скорѣе вздохнулъ, чѣмъ проговорилъ сербъ.

— Она такъ одинока, что у меня тоже чувство, что и у тебя: будто мы обязаны ей помочь... Вѣрно есть въ жизни еще какое-то чувство нравственной бли-

зости къ людямъ, отвѣтственности за чужую жизнь и страданія и тогда даже, когда это ненужный тебѣ человѣкъ, человѣкъ, къ которому, въ сущности, никакой и личной привязанности не испытываешь, словомъ, такой, который по всѣмъ человѣческимъ порядкамъ называется — „совершенно чужой человѣкъ“... Есть вещи, которыхъ не разскажешь словами...

Вечеръ ранней весны спустился надъ землей.

Замолчали друзья и думали свои думы.

* * *

— Ваша жена такъ добра... говорила больная. Чужую меня... она такъ часто навѣщаетъ... какъ сестра, ласкова... приноситъ мнѣ все нужное... хотя... больная лукаво улыбнулась, —... *теперь* мнѣ, право, ничего не нужно... я не одна, согрѣта вниманіемъ... Вотъ, даже и вы не сердитесь больше на меня за костюмы... пришли, а больница такъ далеко отъ васъ... Мнѣ гораздо лучше. Сегодня, у меня какое-то особенное, приподнятое настроеніе... я совсѣмъ бодра...

На щекахъ больной горѣли два пунцовыхъ пятна, а впалые глаза, блестѣли ярко.

— Да, да, мадамъ, очень хорошо...

— Вы всегда говорите мнѣ... „мадамъ“. Вы вѣдь не знаете моего имени... Вѣрнѣе, я говорила вамъ, но вы забы-

ли... Почему и не забыть? я вѣдь даже не знакомая, а — случайная встрѣчная...

— Зачѣмъ вы такъ говорите!...

— Вѣдь я говорю — правду. Мнѣ ничто не обидно... Что-же дѣлать, мы — бѣженцы! „Избеглица“ — по здѣшнему... Къ тому-же у васъ, у сербовъ, отчество и не принято...

— Если-бы вы сказали ваше имя и отчество, я бы его запомнилъ непремѣнно... Просто, такъ вышло...

— Да, да... улыбнулась больная — „просто“... все просто теперь. Но, право, это мнѣ даже нравится. И не надо мое имя запоминать... Вы можете звать меня — „женщина“... Женщина!... Такъ называлъ меня Сереженька — человѣкъ, котораго я больше всѣхъ въ жизни любила... Когда онъ меня полюбилъ, онъ сказалъ мнѣ: „ты настоящая женщина, и мнѣ хочется называть тебя не по имени, а только — „женщина“... Мнѣ это очень понравилось, вѣдь я вамъ, кажется, разсказывала, что я невѣстой стала шестнадцати лѣтъ, а Сереженька тогда тоже еще подпоручикомъ гвардіи былъ... „женщина„ — мнѣ это даже льстило... Съ тѣхъ поръ была у насъ съ нимъ счастливая, а подъ конецъ трудная жизнь... а теперь его нѣтъ... Зовите меня — „женщина“... мнѣ это будетъ даже пріятно... будетъ напоминать хорошее...

— Какъ хотите, мадамъ... не противорѣчилъ сербъ.

— Зачѣмъ имя! Что оно мнѣ дастъ

сейчасъ? Что возьметъ? Что украситъ?...

Затяжной кашель прервалъ ея слова. Грудь наполнилась глухими клокотаніями. Утомленная, съ выступившимъ потомъ, она вздрагивала, какъ раненая птица. На лицѣ блуждала жалкая улыбка, полная безсилія передъ непреоборимымъ.

— Вамъ не слышно, какъ бьется мое сердце? спросила, наконецъ, успокоившись больная.

— Нѣтъ не слышу... но я васъ утомляю. Я пойду... сербъ былъ взволнованъ.

— Нѣтъ, умоляю, не уходите... еще немного посидите... умоляю...

— Но, вамъ вредно...

— *Теперь*, ничего не вредно, рѣшительно прошептала больная.

Сербъ почувствовалъ, что она права и что больше будетъ вреда, если онъ огорчитъ ее, — оставитъ одну.

Онъ снова опустился на стулъ.

— Мое сердце, можетъ и здоровое, но, оно иногда такъ громко стучитъ, именно стучитъ, точно удары въ пустую стѣну... Устало, а стучитъ!... Оно еще въ Россіи начало такъ стучать... А если-бъ вы знали, что я чувствую!.. Оно вѣдь бьется куда и какъ хочетъ... Иногда мнѣ кажется, что удары его такъ сильны, что оно какъ нибудь разорветъ грудь и выскочитъ наружу... И съ каждымъ разомъ удары все безпорядочнѣе и сильнѣе... и будто я — „я“ отдѣляюсь отъ моей оболочки... вылетаю изъ нея...

Сердце мнѣ подсказываетъ, что я скоро умру...

Сербъ хотѣлъ было возразить, но больная тихо продолжала.

— Смерть вѣдь совсѣмъ не страшная, особенно для меня она перестала быть страшной, когда Сереженька ушелъ... Я думаю даже, что это хорошее чувство — умереть... Это чувство мнѣ представляется, какъ освобожденіе отъ непосильной — жизни... Послѣ смерти, мнѣ кажется, люди забываютъ все: и страданья, и ошибки, и даже грѣхи свои, все... все!.. Только вотъ... доброты вашей я никогда не забуду.....

Снова кашель встряхнулъ все тѣло больной.

Прозвучали ничего не значущія слова серба, заставлявшаго себя изъ общаго всѣмъ людямъ желанія скрыть отъ больного тяжесть его состоянія.

— Нѣтъ, нѣтъ, не утѣшайте!... тихо и хрипло проговорила она, наконецъ, немного отойдя отъ терзавшаго ее кашля.

— Вотъ... исполните мою единственную, но большую просьбу: здѣсь, подъ подушкой... завязаны въ уголокъ платка, двѣсти восемьдесятъ динаровъ... Дайте ихъ могильщику того кладбища, гдѣ мой Сереженька... Тамъ-же, въ избушкѣ... у самаго кладбища и живетъ могильщикъ... Знаете... церковку старую на горѣ? на краю города... а вокругъ большое кладбище?... Оно ползетъ по всему склону горы... Могильщикъ меня

хорошо знаетъ... Еще, когда Сереженьку хоронили, я ему отдала бѣлье и одежду Сереженьки... немного было, но все, что было, отдала... и онъ обѣщалъ... пропустить одно мѣсто рядомъ съ Сереженькой, чтобы... для меня оставить... съ тѣхъ поръ мы съ нимъ знакомы... обѣщалъ мнѣ, какъ умру, именно около Сереженьки вырыть могилу... вы ему скажите: „женщина руса"... имени моего онъ не знаетъ... могилу вѣдь городъ дастъ безплатно?.. Вотъ эти деньги и отдайте могильщику... Сереженькѣ на крестъ я насобирала... отъ продажи костюмовъ — простой деревянный поставила но, прочный... думала и на ограду наработаю... но, вѣрно... не судьба ужъ . . . .

Кашель душилъ больную, дыханіе становилось все громче и громче.

Подошла сестра католичка-монахиня въ своемъ большомъ бѣломъ уборѣ и, поклонившись спокойно и вѣжливо сербу, сказала, что время пріема кончилось, пора уходить.

Больная билась въ кашлѣ, повернувъ лицо вглубь подушекъ — отъ стѣсненія, или отъ боли.

Услышавъ, что сербъ поднялся со стула, она сразу приподнялась, но снова упала ничкомъ на подушки. Хотѣла что-то сказать и вся затрепетала, не вымолвивъ ничего.

Глухое, но громкое дыханіе ея впалой груди вскорѣ перешло въ сплошной, рѣзкій и свистящій хрипъ.

Сестра приподняла больную и удобнѣе положила на спину на высокія подушки.

Страшный звукъ, точно не вмѣщаясь въ груди больной, звукъ предсмертнаго хрипа, было все, что отвѣчало на спокойныя услуги монашенки.

Сербъ, собиравшійся нѣсколько минутъ назадъ сказать больной лишь „до свиданія", замеръ на мѣстѣ.

Одинокая жизнь уходила и одиночество ея говорило о столькихъ еще одинокихъ душахъ, одинокихъ среди множества чужихъ и далекихъ...

Сербъ облокотился о стѣну и не могъ уйти, и не зналъ, что ему дѣлать. Онъ стоялъ, не шевелясь, у кровати, у потухающей жизни одинокой русской женщины, у которой никого не было на этомъ свѣтѣ, ничего не оставалось, даже родины, даже права на клочекъ родной земли для могилы, умиравшей при спокойной и равнодушной иностранкѣ сестрѣ-монахинѣ, привычной къ жизни и къ смерти, своей профессіей стоявшей на грани ихъ...

Полузакрытые глаза больной поблескивали мутнымъ, тусклымъ блескомъ, точно глаза слѣпого; яркія пятна щекъ, полуоткрытый ротъ, слипшіяся пряди сѣдѣющихъ волосъ, разметанныхъ въ безпорядкѣ, повисшія, безсильныя руки и высоко вздымающаяся и быстро опускающаяся грудь...

Сознаніе покидало „женщину" и на этотъ разъ навсегда. . . . .

Послѣдній хрипъ, послѣднее движеніе груди больной...

Сестра медленно покрыла краемъ простыни вытянувшееся и сразу успокоившееся, съ печатью загадки, лицо усопшей „женщины".

Сербъ вдругъ увидѣлъ кровать, столикъ у кровати, на немъ пузырьки, стулъ, большую палату городской больницы, кровати съ больными, увидѣлъ, именно увидѣлъ множество отдѣльныхъ вещей, точно всѣ онѣ до того были нѣчто единое, связное, а теперь разсыпались на отдѣльныя, ненужныя вещи... Ему показалось будто, объединявшая все, душа отлетѣла... Были только предметы — не было въ нихъ смысла...

За окнами онъ замѣтилъ деревья сада. Еще безъ листьевъ, голыя, темныя они, словно, ползли по сѣроватому небу, будто въ отчаяніи, безнадежно раскинувъ свои сучковатыя вѣтки . . . .
. . . .